

ИСТОРИЯ КАК «ОСТАНОВЛЕННОЕ» ВРЕМЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ч. СИЛСФИЛДА / К. ПОСТЛЯ И А. ШТИФТЕРА

Галина Александровна Лошакова

к. филол. н., доцент кафедры немецкого и французского языков

Ульяновский государственный университет

432063, Ульяновск, Университетская наб., корп. 1. lgalin7@mail.ru

История занимает немаловажное место в творчестве австрийских прозаиков первой половины XIX в. – Ч. Силсфилда / К. Постля и А. Штифтера. В романах Силсфилда создан образ поступательно развивающегося времени. Оно исторично и основано на реальных событиях недавнего прошлого Америки. Вместе с тем дискурс текстов австрийского прозаика соотносится с актуальными проблемами государственного устройства, политической и общественной жизни Австрии 30-х гг. XIX в.

А. Штифтер пытается найти идеал общественного устройства в становлении средневекового государства под управлением разумного правителя, способного защитить народ («Витико», “Witiko”, 1867). Произведение Штифтера не относится к жанру исторического романа в классическом для XIX в. осмыслении В. Скотта. Пытаясь рассказать о создании государства, в основе которого лежат справедливость и братство, Штифтер предлагает стилизованную под эпос утопию. Художественное время Штифтера обнаруживает тенденцию атемпоральности, остановки в некоем идеальном пространстве Дома и государства. Время «остановлено» и в романе Ч. Силсфилда «Юг и Север» (“Süden und Norden”, 1843). Здесь оно означает разочарование в ходе истории, в возможности существования идеального государства. Указанные произведения нельзя с полной уверенностью отнести к жанру исторического романа, события прошлого осмысляются в них исходя из общественного контекста своего времени (первой половины – середины XIX в.).

Ключевые слова: исторический роман; хронотоп дороги; пространственно-временной континуум; «остановленное» время; атемпоральность.

Немецкоязычная историческая проза начинает свое развитие в рамках романтизма. В. Менцель, подводя итог развития немецкоязычной литературы начала XIX в., отмечал в 1828 г., что «важнейшими и многочисленными новейшими романами» были исторические [Schröder 1970: 214]. Здесь следует вспомнить Г. фон Клейста («Михаэль Кольхаас», 1810), А. фон Арнима («Изабелла Египетская», 1812; «Хранители короны», 1817), В. Гауфа («Лихтенштейн», 1826). Подобно другим европейским культурам, культура Германии открывает в этот период свое национальное прошлое. Оно становится ближе, читателя привлекает исторический колорит, детали быта ушедших эпох. Опыт В. Скотта уже усвоен, чему можно найти подтверждение в романе, например, В. Гауфа «Лихтенштейн». В своем произведении он соединяет сюжетную линию вымышленного персонажа Георга Штурмфедера с изображением реально произошедших событий в Германии в 1519 г., войны герцога Ульриха фон Вюртемберга со Швабским союзом. История становится детализированным выражением ре-

альности, прошедшей действительности, вовлекающая читателя в свой мир. Однако позже, начиная с 30-х – 40-х гг., немецкоязычная читательская аудитория уже испытывает потребность в новом историческом романе, который показал бы действительность более глубоко и правдиво. Определенное отторжение немецкоязычных литераторов от исторического романа В. Скотта можно наблюдать еще до 1830 г. Так, Л. Тик отмечает в 20-х гг., что в романах В. Скотта отсутствует «большая идея» и нет «света высшего порядка» [Schröder 1970: 219]. Фр. Грильпарцер не находит в его творчестве «витающего, благородного, всеобъемлющего духа» [Schröder 1970: 219]¹.

Австрийский прозаик Ч. Силсфилд (Ch. Seal-sfield / K. Postl, 1793–1864) также испытал воздействие В. Скотта². В отличие от писателей, названных выше, он восторженно относился к шотландскому автору исторических романов. В предисловии к произведению «Мортон, или большое путешествие» (“Morton oder die grosse Tour”, 1835) он констатирует, что в начале века появился «по-настоящему великий человек», ко-

торый придал роману именно «историческое звучание», соответствующее современности [Sealsfield 1982: 452]. Это «сэр» Вальтер Скотт. Не случайно «английская нация» объявляет его своим мощнейшим, прекрасным гением. Расцвет творчества английского романиста Силсфилд связывает с политической свободой слова, утвердившейся в Англии к началу XIX в. Скотт является, по утверждению Силсфилда, основателем «классического исторического романа» (des klassisch-geschichtlichen Romans). «Именно он (Скотт) поднял литературу на высокую ступень, именно он подарил книгу для чтения, отдыха и обучения лучшим, самым просвещенным, элите страны, а также и средним классам, менее образованным; тем самым он способствовал удовлетворению потребностей времени» [Sealsfield 1982: 461]. Для Силсфилда творчество В. Скотта, сумевшего создать исторический роман и в его рамках осмыслить историю, этнографию, нравственную сущность народа, является точкой отсчета развития новой художественной прозы.

Как и многие писатели его времени, Силсфилд не ограничился просто восторженным отношением к английскому романисту, а пытался реализовать принципы исторического романа, сложившиеся в творчестве великого шотландца, в своих произведениях. Однако своеобразие романов Силсфилда заключалось в том, что предметом рассмотрения он делает исторические процессы, происходящие на другом континенте, а именно в США [Лошакова 2013: 51]. Вместе с тем дискурс текстов австрийского прозаика был «привязан» к актуальным вопросам государственного устройства, политической и общественной жизни Австрии. А таковыми были в 20–30-е гг. XIX в. меттерниховская реакция, укрепившая монархический строй, наследственные привилегии аристократии и гнет католической церкви. Все эти темы и составили имплицитно выраженный уровень текстов Силсфилда.

В своих романах писатель изображает различные исторические события, но, как правило, они все связаны с недавним прошлым Северной Америки и Мексики. В романе «Легитимист и республиканцы» (1833) упомянуты события англо-американской войны 1812–1815 гг. Подзаголовок носит название «История из последней американо-английской войны» (“Der Legitime und die Republikaner. Eine Geschichte aus dem letzten amerikanisch-englischen Kriege”). В романе «Поездка за невестой Джорджа Говарда, эсквайра» (“Lebensbilder aus der westlichen Hemisphäre. George Howard' s Esq. Brautfahrt”, 1834) в сюжет вводятся эпизоды предвыборной кампании президента Эндрю Джексона в 1828 г. В романе

«Натан-скваттер, или первый американец в Техасе» (“Nathan, der Squatter-Regulator, oder der erste Amerikaner in Texas”, 1837) историческим фоном служат обстоятельства так называемой Луизианской покупки 1803–1804 гг., когда США приобрели у Франции ряд ее колониальных земель, в том числе и юго-западную часть Луизианы, Акадиану. В романе «Беседы в каюте, или национальные характеристики» (“Das Kajütenbuch oder Nationale Charakteristiken”, 1841) непосредственно изображается начало Техасской революции 1836 г., когда американское население поднимает восстание против Мексики, живущей по феодальным законам. Кроме того, сюжет одной из вставных новелл данного повествования вмещает события 1825 г. в Латинской Америке, некоторые этапы национально-освободительного движения против испанского господства. Роман, который может быть определен как полностью исторический, «Вице-король и аристократы, или Мехико в 1812 году» (“Der Virey und die Aristokraten oder Mexiko im Jahre 1812”, 1834), воспроизводит события мексиканской освободительной борьбы 1810–1812 гг. в Мехико. Наконец, в своем последнем романе «Юг и Север» (“Süden und Norden”, 1843) Силсфилд вновь эпизодически обращается к событиям освобождения колониальной Мексики, относящимся к 1824–1825 гг. Таким образом, основным элементом повествовательного дискурса в произведениях Силсфилда становится историческое время.

Исторические события воспроизводятся эпизодически в одном из лучших романов Силсфилда «Юг и Север». Он показывает последствия революции в Мексике (1821), с одной стороны, приведшей страну к освобождению от колониального владычества испанцев, с другой – разделившей людей политически и социально. Во все более усиливающимся антагонизме находятся представители западной цивилизации (в романе – американские путешественники) и коренное население, представляющее незнакомый, чуждый европейцам мир Юга Америки. Жанровая структура романа основывается на пространственном образе пути, предполагающем открытие мира и одновременно духовное становление или преобразование самого человека. Следует отметить, что, анализируя пространственно-временной континуум романа, мы обращаемся к классическим исследованиям М. М. Бахтина [Бахтин 1979, 1986], Ю. М. Лотмана [Лотман 1988, 2000], В. Н. Топорова [1983], посвященным указанному вопросу. М. М. Бахтин, как известно, выделял в структуре романа хронотоп («времяпространство»). «В хронотопе дороги единство пространственно-временных определений раскрывается

также с исключительной четкостью и ясностью. Значение хронотопа дороги в литературе огромно: редкое произведение обходится без каких-либо вариаций мотива дороги, а многие произведения прямо построены на хронотопе дороги и дорожных встреч и приключений» [Бахтин 1986: 135].

Завязка романа «Юг и Север» – это начало пути североамериканской экспедиции по мексиканской территории с так и не обозначенной автором целью. Внешним предлогом является добыча кокаинового сырья для его дальнейшей промышленной переработки. В романе «универсальным принципом организации» становится мотив дороги. Группа путешественников представляет экзотический вариант «национальных характеров», собранных автором в рамках пространственной модели «чужого» мира. Это рассказчик, достаточно образованный американец, выполняющий в повествовании прежде всего функции наблюдателя. Горячий кентуккиец Кокли, прагматичный Вайтли, явно преследующий свои собственные задачи, юный Гурни, мечтающий о любви, мексиканец Родригез, выполняющий задание правительства поймать дона Иксгухара, противостоящего революции, ученый немец господин Боне, погонщики мулов – все они объединены общей целью продвижения вперед в область Миштеки. Следовательно, опираясь на В. Н. Топорова, можно утверждать, что все они стоят перед вторжением в «новое пространство» [Топоров 1983: 250].

Чуждый мир показан, тем не менее, как прекрасное, райское место, наполненное светом, отгороженное горами, одна из которых является, по легендам индейцев, центром мира. Отсюда восклицание рассказчика «Прекраснее мир не предстал перед нами нигде и никогда!» [Sealsfield 2005: 54]. Описание Орисабы, в «своей блистающей снежной короне», «блистающего ночного неба со звездным войском», «бесконечного, сияющего зеркала океана» несет имплицитно семантику природного «рая». Силсфилд воспроизводит таким образом нигде и никогда не прерывающееся пространство, существующее вечно. Следует отметить, что в осмыслении и передаче пространственно-временного континуума он мог испытать также воздействие пражского философа Б. Больцано, который выдвигает идею о бесконечности времени и пространства в их совокупности, хотя предпочитает определять их как категории, не связанные с объективной реальностью. «Время и пространство представляют в высшей степени важный род бесконечно больших величин, которые также еще не принадлежат к области реального, хотя и могут опреде-

лять реальное. <...> Множество простых частей или точек, из которых состоит время и пространство, бесконечно» [Больцано 1911: 25]. Больцано обосновывает принцип бесконечного и «всесовершенного» как доказательство существования Бога [там же: 37]. Мир вечной, божественной красоты воспроизводит Силсфилд, изображая природу Мексики.

В текст романа введены также руссоистские мотивы естественного человека и разумно организованного общества. Однако оба мотива переосмысливаются Силсфилдом в сторону отрицания этих понятий, являющихся выражением просветительской идеи преобразования общественного устройства. Естественный человек в романе (это представители индейских племен) оказывается не просто физически сильным и красивым, но и готовым в любую минуту к коварству и лжи. Существование людей на лоне природы, на первый взгляд безоблачное и чистое, подчинено режиму и порядку, установленным жестоким аристократом доном Иксгухаром. Символическим выражением трагической разобщенности людей становится сюжетобразующая линия любви дочери испанского аристократа Марикиты и юного американца Гурни. Марикита – дочь испанского гранда и простой индианки. Уже с первого появления она символизирует некий загадочный край, который заманивает и не отпускает путников. Она юна и прекрасна, молодой американец Гурни теряет голову, покинув своих путников и преследуя по пятам Марикиту. Как уже указывалось, образ Марикиты является интертекстуальной аллюзией, восходящей к Миньоне И. В. Гете [Лошакова 2013: 123]. Вместе с тем Марикита символизирует свою страну, южный мир с его прагматизмом, чувственностью, способностью естественно лгать. В тексте звучит мотив трагической разобщенности людей различных культур и национальностей.

Трагизмом гибели (разрушение пространства и времени) отмечена символическая сцена бегства путешественников из Веракруза («Юг и Север»). Они с нетерпением ждут корабль, который доставил бы их в США. Однако корабль, которого они ожидают, приобретает призрачные черты, становится «Летучим голландцем», приводящим впоследствии к гибели всех собравшихся на нем. Полубезумный от пережитых трудностей рассказчик выкрикивает: «Это Летучий голландец. – Летучий голландец, и все, кто взойдут туда, все они погибнут. – Гурни не должен садиться на корабль» [Sealsfield 2006: 335]. В ту же минуту все видят, как в «призрачном свете» поднимаются мачты, реи и парус корабля и он начинает скользить между темными и светлыми облаками.

Страной обетованной для автора являются США, где находит спасение рассказчик, однако на протяжении сюжета это семантическое значение не раз корректируется. Во-первых, американцы воспринимаются здесь уже не столь восторженно, как это имело место в более ранних путевых очерках «Соединенные Штаты Америки». Во-вторых, различие «национальных характеров» приобретает в сюжете драматический оттенок. С одной стороны, свободолюбивые и не боящиеся авантюры американцы и ученый немец, в целом принявший их образ мыслей и жизни. С другой – креолы и индейцы, воспитанные в преклонении перед испанскими грандами и не спешащие освободиться от их власти.

В тексте отчетливо звучит мотив трагической разобщенности людей различных культур и национальностей. Присутствует также мотив бренности человеческого существования, идущий от австрийского барокко. Отдельные отрывки из романа могут быть буквально проиллюстрированы выдержками из стихотворения А. Санта-Клары (1644–1709), в проповедях которого идея быстротечности жизни находит законченное выражение.

Der Mensch ist ein Blatt / das bald abfällt/
Und ein Thon / der bald verschallt.
Der Mensch ist ein Fluss / der bald abrinnt
Und ein Kertzen / die bald abbrinnt /
Der Mensch ist ein Glas / das bald zerbricht /
Und ein Traum / der haltet nicht.
Der Mensch ist ein Wachs / das bald erweicht.
Und ein Rosen / die bald erbleicht.
Der Mensch ist ein Fleisch / welches bald stinckt /
Und ein Schiff / das bald versinckt.
[Sankta Clara 2005: 127]³

Корабль из стихотворения Санта-Клары «Что есть человек» можно рассматривать как метафору романа «Юг и Север», повествующего о недостижимости мечты, бренности и тщете жизни. Время «остановлено», движение истории не ведет к нравственному возрождению человека – таков итог странствий героев. Изображено окончание пути, оказавшегося трагическим для многих персонажей. В эпилоге романа путь прекращается, оставшиеся в живых герои возвращаются домой, корабль идет ко дну.

Австрийский прозаик А. Штифтер (A. Stifter, 1805–1868) не писал романов, которые можно было бы определить как исторические в полном смысле этого слова. Однако, оценивая революцию 1848 г., он пытался предложить в произведении «Витико» (“Witiko” 1867) свою концепцию хода истории и места в ней мудрого правителя. Названный роман не относится к жанру истори-

ческого в классическом для XIX в. осмыслении В. Скотта. Следует отметить также, что нами не обнаружено и фактов воздействия английского романиста на творчество А. Штифтера. Пытаясь воссоздать образ государства, в основе которого лежат справедливость и братство, Штифтер предлагает читателю стилизованное под эпос произведение. В то же время необходимо подчеркнуть, что исторические знания являлись «наиболее важными» для художественного творчества Штифтера [Сейбель 2005: 99]. Стремясь найти идеал государственного устройства, прозаик обращается к событиям XII в. в Богемии и Чехии («Витико»).

Витико живет в Богемском лесу и ведет образ жизни простого крестьянина, являясь при этом представителем высшей знати [Stifter 1997]. Впоследствии он становится основателем известного рода Розенбергов. Время, которое автор пытается изобразить как историческое, становится в действительности циклическим, вписанным в модель круга. Движение времени так же итеративно, как и в романе Штифтера «Бабье лето». Из бесконечных повторений действий (походов и возвращений Витико) рождается образ прошлого, нашедшего свое завершение в утопическом равновесии человека, власти и государства. Как и в романе «Бабье лето», рамки времени в данном случае ограничены содержанием утопии. Это не модель идеального Дома, а выражение мечты о справедливом правлении и единении людей. В повествовании создается модель исторической инверсии. Сущность такой инверсии заключается в том, что мифологическое и художественное мышление «локализует в прошлом такие категории, как цель, идеал, справедливость, совершенство, гармоническое состояние человека и общества и т. п.» [Бахтин 1986: 183].

Походы Витико построены по законам средневековой энциклики, т. е. их константой является постоянное возвращение к исходной точке. Протагонист начинает свой первый поход в 1138 г. из Оберплана через Пассау и Хауценберг в Богемию, в Прагу, где умирает старый герцог Богемии Собеслав. Власть по праву наследования должна быть передана его сыну Владиславу. Однако совет Праги избирает другого Владислава, сына предшественника Собеслава. Протагонист должен решить, какому из них он должен служить, и он возвращается в родной Оберплан. Происходит замедление, даже остановка движения. И это обстоятельство идет на пользу Витико: он начинает заниматься устройством родного селения, укрепляет взаимоотношения с соседями. Выбор Витико осложнен тем, что два прави-

теля с одинаковыми именами символизируют два пути. Один из них – верность присяге и народу (его воплощает теперешний герцог Владислав), а другой – путь предательства и измены. По нему идет Владислав, сын Собеслава, оскорбленный своим неизбранием на герцогский трон. Согласно авторской концепции именно этот персонаж, будучи несдержанным в проявлении своих чувств, будучи тщеславным и эгоистичным, нарушает нравственный закон бытия. Витико становится на сторону избранного герцога Владислава и снова спешит в Прагу, осажденную предателями законной власти во главе с Конрадом фон Цнаймом.

Как реальное продвижение исторического Витико превращается в тексте в условно эпическое, так и время можно определить как достаточно условное и отчасти абстрактное. Исторически оно названо очень точно и как таковое связано с определенными, имевшими место событиями. Границы романа заключены в рамки 1138 (болезнь старого герцога Богемии Собеслава) и 1184 гг. (проведение рейхстага Фридрихом Барбароссой). Однако для героя время словно останавливается, ограничивается его циклическим движением по кругам истории. Витико (и здесь его можно сопоставить с героем эпоса) будто бы не стареет, хотя участвует во многих очень тяжелых походах, принимает нелегкие решения, заводит семью. Автор не дает никакого намека на его возраст, на изменения в его внешности. Витико остается вечно молодым, приобретая, однако, опыт жизни и правления. К этому необходимо добавить также то обстоятельство, что уже за рамками 1184 г. называются походы Витико в Северную Италию под руководством Фридриха Барбароссы, кратко рассказывается о возникновении рода Витковичей, о закладке замка на берегу Влтавы потомками Витико. В данном случае границы времени словно бы расширяются, время, неторопливо двигаясь вперед, превращается в вечность, а протагонист повествования Штифтера становится легендарным эпическим героем.

Проанализировав структурирование художественного времени в творчестве Ч. Силсфилда и А. Штифтера, можно прийти к выводу, что изначально по содержанию это две различные модели. В романах Силсфилда в целом создается образ поступательно развивающегося времени. Оно исторично, так как основывается на реальных событиях недавнего прошлого, взятых в основном из жизни Америки. Художественное время Штифтера обнаруживает тенденцию атемпоральности, остановки в некоем идеальном пространстве Дома и государства. Оно также итера-

тивно, определенные явления и события обыденной жизни и истории повторяются, в этой повторяемости возникает идеализированный образ прошлого. Но время «остановлено» и в последнем по написанию романе Ч. Силсфилда «Юг и Север». Это связано с трагическими событиями гибели героев на затонувшем корабле. Однако это «остановленное» время означает и разочарование в ходе истории, в возможности идеального государства.

Примечания

¹ Автор данной статьи не ставит целью исследовать теорию, или жанровую специфику исторического романа В. Скотта, или полемику, ведущуюся и по сей день вокруг его творчества, имея в виду обширный пласт как классических исследований XX столетия, так и вышедших в XXI в. работ, посвященных новым вопросам изучения его произведений (см., например: [Орлов 1960; Реизов 1965; Лазарева 2010; Проскурнин 2012]).

² Называя имя Ч. Силсфилда / К. Постля (в этом году исполняется 150 лет со дня его смерти), мы хотели бы еще раз привлечь внимание как читателей, так и исследователей к творчеству этого, несомненно, выдающегося рассказчика (см.: [Лошакова 2014]).

³ «Человек – это лист, который быстро упадет, и он звук, который скоро стихнет. Человек – это река, которая быстро высохнет, и он свеча, которая быстро сгорит, человек – это стекло, которое быстро разобьется, и он – сон, который проходит. Человек – это воск, который скоро станет мягким. И он – роза, которая скоро увянет. Человек – это плоть, которая скоро издаст тлетворный запах. И он корабль, который скоро пойдет ко дну» (перевод наш. – Г. Л.).

Список литературы

Бахтин М. М. Время и пространство в произведениях Гете // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 204–236.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986. С. 121–290.

Большако Б. Парадоксы бесконечного / пер. И. В. Слешинского. Одесса: Матезис, 1911. 120 с.

Лазарева Т. Г. «Безумный» рыцарь: психология средневекового человека в романах Вальтера Скотта // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 4(10). С. 105–110.

Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. В школе поэтич-

ского слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М.: Просвещение, 1988. 352 с.

Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство, 2000. 703 с.

Лошакова Г. А. Немецкая классика и художественная проза бидермейера в Австрии. Ульяновск: УЛГУ, 2013. 239 с.

Лошакова Г. А. «Включенная наррация» в структуре романов Ч. Силсфилда / К. Постля // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 1(25). С. 66–71.

Орлов С. А. Исторический роман Вальтера Скотта. Горький: Изд-во Горьков. ун-та, 1960. 480 с.

Проскурнин Б. М. Актуален ли Вальтер Скотт? // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 3(15). С. 196–201.

Реизов Б. Г. Творчество Вальтера Скотта. М.; Л.: Худож. лит., 1965. 499 с.

Сейбель Н. Э. Эссе А. Штифтера «Über Schule und Familie» и роман «Der Nachsommer»: Педагогическая теория и художественная практика // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарный выпуск. 2005. №4(38). С. 97–103.

Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.

Sancta Clara A. Was ist der Mensch // Das Buch Österreich. Texte, die man kennen muss / Hrsg. von H. Rauscher. Wien: Ch. Brandstätter, 2005. S. 126–127.

Schröder R. Novelle und Novellentheorie in der frühen Biedermeierzeit. Tübingen: Niemeyer Verl., 1970. 242 S.

Sealsfield Ch. Zuschrift des Herausgebers an die Verleger der ersten Auflage // Sealsfield Ch. Das Kajütenbuch oder Nationale Charakteristiken / Hrsg. von A. Ritter. Stuttgart. 1982. S. 451–463.

Sealsfield Ch. Süden und Norden. Zwei Nächte in Tzapotekan / Einleitung von Prof. G. Schnitzler / 2 Bd.: Erster Band. München: Langen Müller, 2005. 368 S.

Sealsfield Ch. Süden und Norden. Mariquita / Einleitung von Prof. G. Schnitzler / 2 Bd.: Zweiter Band. München: Langen Müller, 2006. 383 S.

Stifter A. Witiko. Münch.: Winkler Verl., 1997. S. 315.

References

Bakhtin M. M. Vremia i prostranstvo v proizvedeniakh Gete [The time and the space in the work of Goethe]. Bachtin M. M. Ehstetika slovesnogo tvortchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979. P. 204–236.

Bakhtin M. M. Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poehtike [The forms of the time and chronotope in the novel. Essays in the historical poetics]. Bakhtin M. M. Literaturno-kriticheskie statji [Literary-critical articles]. Moscow: Khudozhestvennaja literatura Publ., 1986. P. 121–190.

Bolzano B. Paradochsi beskonetchnogo [The paradox of the infinite]. Trans. by I. V. Sleshinskyi. Odessa: Matesis Publ., 1911. 120 p.

Lazareva T. G. “Bezumnyj” rycar’: psikhologija srednevekovogo cheloveka v romanakh Waltera Skotta [“Insane” knight’: middle age man’s psychology man in the Walter Scott’s novels]. Vestnik Permskogo univesiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2010. Iss. 4(9). P. 105–110.

Lotman Y. M. Khudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolja [The fictional space in the prose of Gogol]. Lotman Y. M. V shcole poehticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol [In the school of poetic: Pushkin, Lermontov, Gogol]. Moscow: Prosveshhenje Publ., 1988. 352 p.

Lotman Y. M. Semiosfera. Kul’tura i vzryv. Vnutri mysljashhikh mirov. Statji. Issledovanija. Zаметki [Semiosphere. The culture and the outbreak. Inside thinking worldes. Artikles, research workes, notes]. St. Petersburg: Iskusstvo, 2000. 703 p.

Loshakova G. A. Nemeckaja klassika i khudozhestvennaja prosa biedermeiera v Avstrii [The German literary classics and the fictinal prose of Biedermeier]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University Publ., 2013. 239 p.

Loshakova G. A. “Vkljuchennaja narracija” v structure romanov Ch. Silsfilda / K. Postla. [“Interpolated narration” in the structure of Ch. Sealsfield / K. Postl’s novels]. Vestnik Permskogo univesiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014. Iss. 1(25). P. 66–71.

Orlov S. A. Istoricheskij roman Waltera Skotta [Historical novel by Walter Scott]. Gorky: Gorky University Publ., 1960. 480 p.

Proskurnin B. M. Aktualen li Walter Scott? [Is Walter Scott acute today?]. Vestnik Permskogo univesiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and foreign Philology]. 2012. Iss. 3(15). P. 196–201.

Reizov B. G. Tvortchestvo Waltera Skotta [The Work of Walter Scott]. Moscow: Khudozhestvennaja literatura Publ., 1965. 499 p.

Seibel N. E. Ehsse A. Stiftera «Über Schule und Familie» i roman «Der Nachsommer»: pedagogicheskaja teория u khudozhestvennaja praktika [The essay of A. Stifter «Über Schule und Familie» and the novel «Der Nachsommer»: Pedagogical the-

ory and artistic practice]. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnij vipusk [The journal of the State University Samara. Humanitarian edition]. 2005. №4(38). P. 97–103.

Toporov V. N. Prostranstvo i tekst [The space and the text]. Tekst: semantika i struktura [The Text: semantic and structure]. Moscow: Nauka Publ., 1983. P. 227–284.

Sancta Clara A. Was ist der Mensch [What is the man]. Das Buch Österreich. Texte, die man kennen muss [The book of Austria]. From H. Rauscher. Vienna: Ch. Brandstätter, 2005. P. 126–127.

Schröder R. Novelle und Novellentheorie in der frühen Biedermeierzeit [The story and the theory of story in the early Biedermeier epoche]. Tübingen: Niemeyer, 1970. 242 p.

Sealsfield Ch. Zuschrift des Herausgebers an die Verleger der ersten Auflage [The author's Foreword to the publishers of the first edition]. Sealsfield Ch. Das Kajütenbuch oder Nationale Charakteristiken [The conversations in the cabin or National characteristics]. Publ. A. Ritter. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1982. P. 451–463.

Sealsfield Ch. Süden und Norden. Zwei Nächte in Tzapotekan [South and North. Two nights in Tzapotekan]. Foreword Prof. G. Schnitzler. München: Langen Müller, 2005. 368 p.

Sealsfield Ch. Süden und Norden. Mariquita [South and North. Mariquita]. Foreword Prof. G. Schnitzler. München: Langen Müller, 2006. 383 p.

Stifter A. Witiko. München.: Winkler, 1997. 996 p.

HISTORY AS “STOPPED” TIME IN WORKS OF CH. SEALSFIELD / C. POSTL AND A. STIFTER

Galina A. Loshakova

Reader in the Department of German and French Languages
Ulyanovsk State University

History has an important place in works of Austrian writers of the first half of the XIXth century Ch. Sealsfield / C. Postl (1793–1864) and A. Stifter (1805–1868). Sealsfield was strongly influenced by W. Scott's experience of creating historical novels. Stifter created his own historical novel combining genre lines typical of the novel and the epic poem in his work “Witiko”.

In Sealsfield's novels progressively developing time is represented. The time is based on historicity and real events of America's recent past. In 1823 the writer had to emigrate to America for fear of persecution. However, discourse of his texts correlates with issues of the state system, political and public life of Austria in the 1830s. The Age of Metternich, hereditary privileges of the aristocracy and the oppression by the Catholic Church made up an implicitly expressed level of Sealsfield's texts.

Stifter tries to find an ideal model of social order in the model of a medieval state under rule of a sensible governor capable of protecting his people (“Witiko”, 1867). From this Austrian novelist's point of view, life of each person should be integrated into the context of history. Stifter's work does not belong to the historical novel genre in traditional understanding typical of the XIXth century (W. Scott's interpretation in particular). Meaning to tell readers about creation of a state based on justice and brotherhood Stifter creates a stylized epic utopia.

Stifter's artistic time continuum has a tendency to atemporality and “making a stop” in some ideal space of the home and state. The time is also “stopped” in Sealsfield's novel “South and North” (1843). Here the “stopped” time means disappointment with the course of history and the idea of an ideal state. Genre structure of novels by Ch. Sealsfield and A. Stifter is based on a spatial idea of the way. It involves discovering the world and concomitant spiritual formation or transformation of a man. This issue is considered in works of well-known researchers M. Bakhtin, Y. Lotman, V. Toporov.

Key words: historical novel; chronotope of the road; time-space continuum; “stopped” time; atemporality.